

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113

Изнуряющее гостеприимство

Наш переезд в Калугу при необходимости, но нежеланности был освобождением от гостеприимства и вспомоществования, в котором мы погрязли на Магнитке прямо-таки раболопно. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из наших городских друзей-товарищей – от металлургов до военных (литераторов – само собой) – не заявлялся к нам отобедать, поужинать, одолжиться...

Родственники, зачастую бедные, мои прежде всего, обретавшиеся в бараках, землянках и ветхих домишках без удобств, приходили семьями, мылись, стирали и, естественно, насыщались вкусо-стями, спроворенными Татьяной Петровной, вечной добродеей моей, с моим участием. Понятно, по традиции подавались к столу пиво, вино, водка, а детям – компоты, фруктовые воды, печености традиционных деревенских удовольствий, сладости типа пастилы, лимонных долек, халвы и, конечно, конфет с картинными фантиками. Праздничными вечерами, часто не приглашенные, заполняли квартиру те и другие. К праздникам мы, конечно, готовились, да и велись в подвале разносолы и всяческие овощи. И в магазины приходилось бегать за едой и питьем. Все, не преувеличивая, находили привет, насыщение, внутреннее довольство. Верно, хозяева изматывались на нет.

Так случилось, что в год нашего отъезда, 1963-й, жена сталевара и прозаика Николая Курочкина впала в странный психический выверт: она выставила из квартиры их общих детишек, ни его, ни малышек не пускала туда. Николай устроил детей в интернат, мы жили друг от друга неподалеку, и он забегал к нам отвести душу и подкормиться. Когда у Николая все уладилось, к нам забегал Александр Никитин – пожарный, автор юмористических рассказов, кратких и весьма веселых – и не шутки ради сказал:

– А теперь я буду обедать у вас целый месяц, я взял отпуск, попробую подготовить, не отвлекаясь на быт, сборник рассказов.

И хотя в нашей семье разворачивались предотъездные мучения: обставление маминной квартиры, увязывание книг, укладывание утвари, упаковка одежды, мы разные разности, даже нужные, раздаривали родным и знакомым. Поэту Борису Ручьеву я отдал книжные шкафы, сейчас они находятся в музее его имени. Мы или кто-то из нас не забывали покормить Александра Никитина обедом. Не собираюсь скрывать, что это вовлечение в попечительство было нам в тягость: слишком уж оно своей щедрой бесцеремонностью, не подкрепляемой покупкой булочки, кренделя или ржаной лепешки, обнаруживало наше изнуряющее гостеприимство, доведенное до бесчестия, самоунижения, изнурительной зависимости.

Этюд простым карандашом

И мы с Таней, англичанкой Татьяной Петровной, священной Танаа-

Одна из экспозиций музея Бориса Ручьева

кин, по дороге в Калугу давали себе зарок не впасть т а м в крепостную зависимость от хлебосољства. И нам было в удовольствие, что в предотъездную пору мы изрядно израсходовались, поэтому на остатки денег было не разгуляться.

За нами следовал контейнер, где почти единственной возможностью для угощения, не считая варений-компотов, маринованных огурцов-помидоров, была розовая картошка необыкновенной вкусо-ноты во всех видах приготовления. Неизбежным отступлением от клятвы оказалось застолье у нас после выборов. Московским коллегам не хотелось уезжать, а голосовавшим литераторам – разбредаться, не обмыв созданного областного отделения, однако я помалкивал, и Владимир Кобликов предложил податься к нему и мигом позвонил своей жене Евгении. Тут я не вытерпел и посоветовал, чтобы его жена с моей Таней скоренько спроворили закуски, а пешая наша братва, поднимаясь в горку, прихватит торжественного зелья – от кубинского рома до смеси шампанского из Нового Света.

Уселись на чем довелось: на школьных кроватях, свежкупленных моим детям – Ирине и Антону, на магнитогорских деревянных табуретках, на мягких стульях, взятых у соседей. Самую вместительную

комнату, для пушей важности, но не без улыбки мы назвали залом – оно позволяло танцевать и отплясывать (благо, внизу находилась почта, уже закрытая). Завзятыми плясунами оказались Владимир Кобликов и Ремир Курчик, график, живописец, портретист. Курчику принадлежит великолепный портрет Константина Паустовского, затерявшийся где-то в Тарусе с конца 50-х годов.

Кстати, в Кобликове таился исключительный рисовальщик: у меня сохранился этюд простым карандашом, который он сделал на писательском семинаре с Николая Николаевича Кружкова, журналиста, члена редколлегии журнала «Огонек», и с меня. Как плясуны отличались две Валентины: жена Курчика и жена Васильчикова. Кроме московских гостей, Кобликовых, Васильчиковых, Курчик, были Сургаковы, Лохвицкие, Левиты, Роман и Зоя, Закалины – он, Александр Сергеевич, – инструктор промышленного отдела пропаганды, она – имя улетучилось. Неприятно запомнилась встреча пророчеством Сергея Васильчикова. Он подошел к нам с Татьяной и, до странности

уязвленно, оповестил. Он с Волги. Слышал, что в Магнитогорске к нам стекалось без приглашения до сорока-пятидесяти человек. Здесь так не будет: позовешь – придут, и незваными станут приходить, зацепясь за простоватость. Сами звать не станут, а зайдете без приглашения – чаем не напоят, даже если сто раз вы потчевали их. Предсказания Васильчикова в судьбе нашей семьи не подтвердилось.

С рюкзаком за продуктами

Все, с кем взаимоотношались или сдруживались мы с женой и наши дети, не страдали скарденностью. Их гостеприимство было сродни уральскому: щедро. И, надо подчеркнуть, что надрыв от эксплуатации нашей приветливости, от коей мы с Татьяной отрекались отойти, не имел тенденции к возврату. Нас гораздо чаще принимали у себя писатели, учителя, книголюбцы и книготорговцы, библиотекари, военные, актеры, чем мы их. Да и период длился убогий снедью и средствами. Жена не работала: ей, больной белоокровием, хотелось окрепнуть. Я не получал зарплаты: бухгалтерия СП РСФСР не запланировала за четвертый квартал года бюджет нашего отделения.

Тут я спола оценил мудрость поговорки, усвоенной с малолетства: «Легче два пожара перенести, чем один раз переехать». Выручил Петр Петрович Ананьев, встреченный мною у аптеки с железокановым узорным крыльцом. Он узнал о беззарплатности и добился выплаты единовременного пособия через сельский облисполком.

После Магнитогорска снабжение в Калуге и области воспринималось огорчительно, в особенности продуктовое. Это была пора, когда Никита-Кукурузник догонял и перегонял фермеров Америки, производителей питания. Ежедневно из Калуги и области поставлялось в Москву девяносто восемь процентов продуктов из ста произведенных, среди которых большую

долю занимали мясомолочные, каковые в ничтожном количестве и ассортименте выбрасывали на прилавки местных магазинов.

Организм моей больной жены, согласно советам врачей, нуждался, дабы удерживать на нормальном уровне гемоглобин, в свежей говядине, телятине, в орехах – грецких, фундуке, кедровых, в соках из гранатов, айвы, моркови, в цитрусовых, в гречке, в протертом кизиле, в вареньях из черной смородины, крыжовника, вишни, в пористом шоколаде, в рыбе круга лососевых, черной и красной икре. Дефицитом были макаронные, крупяные изделия, рис, даже хлеб. Ради покупки белого кирпичика, поляницы, халы, рижского батона, надо было занять очередь в магазин часа за три до открытия.

За всем необходимым для Тани, англичанки Татьяны Петровны,

священной Танаакин, приходилось вырываться в Москву. Подъем в четыре утра, отъезд на автобусе от церкви Жен Мироносиц, в пять – отправление на электричке от станции Калуга-2. Последняя электричка из столицы – в половине одиннадцатого вечера. Нагружен провизией до предела (ежели нашлись деньги): за спиной рюкзак, в левой руке чемодан, в правой – сумка и горсть сеток. Проезд на электричке, слава богу, не в пример нынешнему шкуродерскому, стоил всего-навсего трояк. Посадка, чтоб не остаться без места, происходила штурмом. Если не запаздывала электричка, в Калугу она прибывала в половине второго.

Рекомендация на директорство

Но обычно электричка запаздывала. Невзирая на глухомань, троллейбус ожидал электричку. Скоро он докатывал до Госбанка, оттуда домой, к драматическому театру, я брел пешком, спокойненько. Ни грабежами, ни гуляками-задирами не пахло. Благословенное до восхищения время! Если моя жена чувствовала себя слабее обычного, я ехал за продуктами в Обнинск – город калужский с московским снабжением. Его исключительность поддерживалась первой атомной станцией СССР, секретными институтами и предприятиями. Отоваривание осуществлялось по списку, телефонным звонкам, запискам.

Приглашенный в Обнинск на открытие книжного магазина на общественных началах, я познакомился там с поэтессой Надеждой Григорьевой (выменяла здесь квартиру на брянскую), с математиком Валентином Турчиным, писавшим фантастику, позже он эмигрирует в США и там прославится, с ученым и философом, сотрудником ФЭИ Игорем Стахановым, а также с партийными работниками – Азой Павловой, которая заведовала отделом пропаганды и, к моему удивлению, печатала в журнале «Крокодил» свои интересные юмористические рассказы (в СП не состояла и не рвалась туда, хотя по дарованию имела право на вступление), и со вторым секретарем горкома Лесничим, из инженеров. Простота их, отзывчивость, стремление превратить город науки еще и в город культуры создавали атмосферу привлекательности для деловых и товарищеских отношений. Из-за слабой деятельности их Дворца культуры они буквально рыскали в поисках человека, кто смог бы возвысить развлекательные, праздничные и вообще духовные запросы обнинцев. У магнитогорки Натальи Платоновой, она руководила отделом культуры горисполкома, возник непримиримый конфликт с партийной верхушкой, и я предложил ее на директорство обнинского Дворца культуры. Мою рекомендацию приняли с доверием. Платонова получила директорство, на себя, мужа и дочь – квартиру, стремительно создала поистине творческий, притягательный Дворец культуры.

Продолжение следует.

> Прошлое – это будущее, с которым мы разминулись в дороге. Веслав МАЛИЦКИЙ